

Призрак с брошкой

ДЕТИ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

ИГРОВОЙ ДЕТЕКТИВ

Отвечай
на вопросы и
узнай тайну
раньше
свадьбы!

Валерий ГУСЕВ

Валерий Борисович Гусев
Привидение с брошкой
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 36

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183258
Привидение с брошкой: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-26853-5*

Аннотация

Какие тайны хранит древний английский замок? Что за привидения бродят по его коридорам? И какие сокровища сторожат черные рыцари? Суперсыщик Алешка Оболенский попросился с папой в командировку в Лондон и тут же начал расследование!

Содержание

Глава I	4
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Валерий Гусев

Привидение с брошкой

Глава I

Туманный Альбатрос

Эту, поначалу загадочную, а потом жуткую историю рассказал мне мой младший брат Алешка. Слушая его, я невольно пытался ответить на те вопросы, которые возникали в его рассказе и на которые он нашел свои правильные ответы. Честно скажу: не всегда мне это удавалось. Попробуйте и вы, мои читатели, найти ответы на загадочные события, о которых я начинаю рассказывать...

Эта история приключилась с Алешкой, когда он гостил в далекой Англии, в старинном английском замке, с настоящими английскими привидениями.

Как его туда занесло? – Это простой вопрос. Но двумя словами (вроде: «попутным ветром») на него не ответишь.

А дело было так. Наш папа работает в российском отделении Интерпола. Интерпол – это полиция, которая разыскивает опасных преступников по всей нашей планете. И поэтому папа часто ездит во всякие страны, сотрудничает там со всякими своими иностранными коллегами, отслеживает и

задерживает всяких преступников международного уровня. И у него сложились очень хорошие профессиональные и дружеские отношения с английской полицией, со Скотленд-Ярдом. С тем самым, с которым в старое доброе время сотрудничал сам великий Шерлок Холмс. Английские интерповодцы даже подарили папе красивую трубку – копию той самой трубки, которую курил, применяя дедуктивный метод, великий сыщик.

И вот у папы опять командировка, как сказала мама, в туманный альбатрос. Мама, когда волнуется или огорчается, начинает немного путать слова. Иногда у нее это получается интересно. И Алешка, он уже один раз побывал в Англии, тут же ее поправил:

– Правильно – Туманный Альбион, мам, Альбатрос – это лошадь такая.

– Знатоки, – усмехнулся папа. – «Альбатрос» – это яхта.

Они оба оказались правы. Лешка, когда в первый раз покорял Англию, побывал на скачках, где первым пришел к финишу белый жеребец по кличке Альбатрос. А папа как-то задерживал на яхте «Альбатрос» беглого банкира-жулика.

Но «Альбатрос», чтобы вы знали, это кафешка у нашего метро.

– А когда ты едешь? – спросила огорченная мама.

– Через неделю.

– Ну и нечего порячку гороть.

– Горячку пороть, – машинально поправил ее папа. И ска-

зал: – Я, пожалуй, Лешку с собой возьму. Как знатока альбатросов.

– Мне некогда, – сказал Алешка. – У меня дел выше крыши.

– А ты меня возьми, – предложила мама. – В туманный альбатрос. Мне опять туда хочется.

– А ты уже один раз там была? – удивился Алешка.

– Нет, но я уже один раз туда хотела.

Но папа настоял на своем. Конечно, ему было бы приятнее поехать в Англию с мамой, походить с ней по музеям и магазинам, но, как мы потом узнали, Алешка ему был нужен для прикрытия. Папа ехал в Англию не как полковник милиции, а как друг детства одного российского бизнесмена, осевшего в Англии в купленном там старинном замке. Эта маскировка нужна была папе для того, чтобы не спугнуть опасных и хитрых преступников, тоже осевших в Англии. В самом деле, ведь милиционеры не ездят на задержание со своими десятилетними детьми. А, например, жена или простая женщина вполне могла бы оказаться секретным сотрудником.

Но мы обо всем этом узнали потом. Когда папа и Алешка вернулись в Москву. И рассказали нам о своих захватывающих дух приключениях.

– Ладно, – лениво согласился Алешка. – Так уж и быть, съезжу я в вашу Англию. Давненько я там не бывал.

Да, давненько... И недолго. Зато здорово отметился. Он там подружился с русским бизнесменом, по сходству увле-

чений. Они стояли на мосту через Темзу и на спор плевали вниз, стараясь попасть в трубу проходившего буксира. В трубу они не попали, а попали в полицию. И бизнесмен заплатил штраф за обоих. И сказал Алешке, когда они вышли из полицейского участка:

– Ладно, братец, мы с тобой в Москве потусуемся. Я знаю один хороший мост – Новоарбатский, я рядом с ним живу.

Алешка потом несколько раз ездил на Новоарбатский мост, поплеваться с него, но бизнесмена там не застал.

Поэтому папа, помня об этой истории, сказал Алешке:

– Однако – условие. С мостов не плеваться. И английский подучить, время еще есть.

...Отъезд неумолимо приближался. Мама волновалась, папа пропадал на работе, зато Лешка был спокоен как танк на подиуме. Нерушимо.

Незадолго до отъезда папа пришел домой не один, а с каким-то довольно пожилым дядькой. Приятным на вид.

– Это Алексей Михалыч, – сказал папа. – Легендарный сыщик.

– Я теперь не сыщик, – улыбнулся Алексей Михалыч, – я пенсионер.

– Мент всегда мент, – подхватил Алешка.

– Алексей! – строго оборвала его мама. – Что ты себе позволяешь!

– А что? – ничуть не обиделся мент на пенсии. – Мили-

ционер – он и в бане милиционер. Алексей верно заметил.

– Это не я заметил, – признался Алешка. – Это один писатель.

– Насчет писателей, – сказал папа. – Ведь Алексей Михалыч когда-то руководил расследованием дела об ограблении квартиры Толстого.

– Какого? – проявил Алешка несвойственную ему эрудицию. – Их у нас полно. Штук десять.

– Алексея Толстого, – уточнил Михалыч.

Алешка подпрыгнул:

– Который «Золотой ключик»? Тогда он мой любимый писатель.

Я тут уточню. У него не любимый писатель Алексей Толстой, а любимый герой Буратино. Он нравится Алешке больше всяких Гарри Поттеров. Наверное, потому, что они очень похожи друг на друга, Алешка и Буратино, я имею в виду. Оба озорные, оба нахальные, оба смелые. И верные друзья. И умеют находить выход в любой ситуации. Вот только у Алешки носик покороче и чуть курносый. Но такой же любопытный. И когда он сует свой нос куда не положено, то обязательно проткнет им в какой-то тайне дырку, за которой – волшебная дверца.

– А вы этих жуликов поймали? – спросил Алешка.

– Это не жулики были, – ответил мент Михалыч. – Это были самые настоящие бандиты.

И он на кухне, за чаем, рассказал нам эту драматическую

историю. Прочтите ее внимательно, она нам очень скоро пригодится.

Великий писатель Алексей Толстой долгое время жил в Париже. И обзавелся там очень многими друзьями. И когда вернулся в Москву, то его очень часто приглашали в посольство Франции на всякие торжества и в другие места на приемы по всяким торжественным случаям. Он ходил туда, конечно, со своей любимой женой Людмилой Ильиничной. И она на эти приемы надевала на себя всякие драгоценности, которые он ей дарил. Они были очень красивые и дорогие. Особенно – прекрасная старинная брошь в виде королевской лилии, вся усыпанная бриллиантами. Необыкновенная брошь.

А надо сказать, Алексей Николаевич Толстой был очень большим любителем и знатоком всяких редких вещей и украшений. И он собрал очень хорошую коллекцию. Он ведь был писателем с мировым именем, богатым человеком, часто ездил в Европу, и его квартира постепенно превратилась просто в музей. К тому же Толстой был еще и граф. И поэтому все красивые и старинные вещи он не прятал в шкаф, он ими пользовался. Они все стояли, лежали и висели на своих местах. Только свои драгоценности Людмила Ильинична держала в шкатулочке. Которая запиралась золотым ключиком.

А потом Алексей Николаевич постарел и умер, и Людми-

ла Ильинична осталась в одиночестве. Людмила Ильинична долго переживала смерть любимого мужа, все время проводила дома одна. Ну, не совсем одна – вместе с ней в квартире поселилась ее подруга, которая помогала по хозяйству. Жили они скромно, нигде не бывали, только ходили за продуктами.

И вот спустя много лет Людмилу Ильиничну пригласили в посольство Франции на прием по случаю годовщины «Нормандии—Неман». Это был такой во время войны авиационный полк, в котором воевали вместе с нами против фашистов французские летчики.

Людмила Ильинична сделала красивую прическу, надела любимое платье и драгоценности. А на грудь приколола ту знаменитую брошь в виде королевской лилии. И на этом приеме, где пили шампанское и коктейли, она познакомилась с очаровательной девушкой с красивым именем Аурика.

Несмотря на такое имя, эта Аурика была русской, которая вышла замуж за француза. Она очень понравилась Людмиле Ильиничне.

– Какое у вас красивое имя, – сказала ей Людмила Ильинична.

– Мне тоже нравится, – засмеялась девушка. – Аурика в переводе значит золотистая...

– Рыжая, что ли? – прервал Алешка Михалыча.

– Почти, – усмехнулся Михалыч. – Вообще она была брюнеткой. Но носила красивый рыжий парик.

– Для красоты? – уточнил Алешка. Он с огромным вниманием слушал эту историю. – Или для маскировки?

Михалыч опять усмехнулся и, подмигнув нашим родителям, сказал:

– А тезка мой не иначе сыщиком будет! Правильно, Алексей, для маскировки.

– Лиса Алиса, – кивнул Алешка. – А кот Базилио?

– Точно: сыщиком будет! Был кот Базилио. Да не один, а с двумя котятами.

– Лешка, – вмешался папа, – не перебивай.

И Михалыч продолжил свой увлекательный рассказ.

В общем, дальше все случилось очень просто. Обаятельная Аурика стала захаживать в гости к вдове писателя, всегда с букетиком цветов или с коробочкой конфет, щебетала о том, как хорошо она жила во Франции, что скоро опять уедет в Париж. А Людмиле Ильиничне она все больше нравилась – веселая, непосредственная, заботливая. И главное – восторженная.

– Ах! Какие часики! Ах! Какая вазочка! Ах! Какая прелесть!

А когда доверчивая хозяйка стала показывать ей свои украшения, доставая их из шкатулки, которую отпирала золотым ключиком, восторгам вовсе не было предела.

А уж когда Людмила Ильинична подарила рыжей Аурике миленькое колечко, та даже всплакнула от счастья у нее на плече.

Но скоро плакать пришлось самой хозяйке квартиры. И вовсе не от счастья.

Однажды в квартиру позвонили.

– Кто там?

– Откройте – милиция.

Хозяйку это не удивило. Квартиру, как общенародное достояние, как музей великого писателя, охраняло государство. И время от времени ее навещали сотрудники МВД – проверяли, все ли в порядке, нет ли чего-нибудь подозрительного?

И дверь приветливо распахнулась.

В квартиру ворвались трое, вооруженные пистолетами. Они обрезали телефонный шнур, связали им хозяйку квартиры и ее подругу и заперли их в ванной комнате.

Когда бедным женщинам удалось освободиться и позвать на помощь, преступники уже исчезли. И вместе с ними исчезла шкатулка с драгоценностями, редчайшие иконы, картины, вазы, подсвечники – в общем, все самое ценное, и самое редкое, и самое старинное. А ценнее всего была брошь в виде лилии, украшенная драгоценными камнями.

Алексею Михайловичу поручили возглавить всю оперативную работу по розыску преступников и похищенных вещей. Он так просто сказал об этом:

– Провели оперативно-розыскные мероприятия, задержали преступников, вернули все похищенные предметы их владельце.

Папа при этом чуть усмехнулся и добавил:

– А эти мероприятия проводились целый год по всей стране без выходных и праздников.

– Да, – скромно согласился мент Михалыч, – поработать пришлось. Тем более что главарь этой банды по кличке Кот, очень опасный и хитрый преступник, сумел удрать из-под стражи.

– А почему – Кот? Кот Базилио? Я угадал? – удивился Алешка.

– Кот – это сокращенно от Котовского. Сначала у него была кличка Котовский. А потом она немного сократилась.

– А почему Котовский? – не отставал Алешка.

– Это старая история. Был когда-то красный революционный командир Котовский. А до революции он был атаманом разбойников, которые грабили богатых помещиков и отдавали награбленное бедным крестьянам. Однажды его выдал предатель, и Котовского схватили. Но он сумел убежать. Потом его снова схватили и привезли после допросов в суд. Судья спрашивает:

– Как вам удалось убежать?

– Да просто, – отвечает Котовский. – Один стражник стоял справа, вот так, как этот. А другой – слева, как этот. Я взял их за шиворот, стукнул лбами и выпрыгнул в окно.

И он так и сделал. Сшиб охрану лбами и выпрыгнул в окно.

Так вот этот главарь почти точно так же когда-то удрал из

суда. Его и прозвали за это Котовским.

– И от вас он так же убежал? – спросил Алешка. – Стукнул вас лбами и выпрыгнул в окно?

– Алексей! – вспыхнула мама. – Не забывайся!

Но Алексей Михалыч успокоил ее улыбкой. Он ведь очень умный человек, на детей не обижается. Особенно на будущих сыщиков.

– Нет, Леша, он поступил хитрее.

– А как? – У Алешки глаза даже круглыми стали от любопытства. Как у Буратино.

Да, очень хитрый был этот Котяра Котовский. Дело в том, что оперативники все похищенное нашли, кроме брошки. А это была самая ценная вещь. А ее-то и не было. Все подельники, даже рыжая Аурика, говорили, что при дележе добычи ее забрал себе Кот. Как главарь. А он все отрицал: не знаю никакой броши, и все. Скорее всего, он ее припрятал до того времени, когда выйдет из тюрьмы. Чтобы было на что отпраздновать свободу.

– Бились мы с ним, бились, – говорил Михалыч, – ни в какую не соглашается сказать, куда дел брошь. А потом вдруг согласился. Но с условием: «Дадите свидание с невестой, дадите с ней попрощаться перед тюрьмой, так и быть, скажу, кому брошь продал». Спрашиваем его: «А где невеста?» Отвечает: «В городе Баку». – «А где брошь?» – «Тоже в городе Баку».

– Ну так что? – Алексей Михайлович давно уже помеша-

вал чай в пустой чашке. – А вот что...

Если бы это делал Алешка, то мама бы тут же ему выдала:

– Алексей! Дыру протрешь! – А тут ни слова не сказала, только вздохнула с сочувствием.

– Ну так что? Запросили мы прокуратуру, она дает добро. Только предупреждает, чтобы не сбежал. Мы, конечно, все меры приняли. Приехали в Баку, на квартиру невесты. Она обрадовалась, засуетилась, побежала в магазин за вкусненьким, чтобы жениха подкормить. Мы не возражали, конечно, понимали ее. Сняли с него наручники, позволили переодеться в домашнее: костюм тренировочный, шлепанцы.

Но были все время настороже. Мы с напарником в квартире глаз с Котовского не спускаем, а еще одного оперативника, самого молодого, оставили на лестничной площадке – дверь входную караулить.

Невеста на кухне хлопочет. А Котовский взял телефонную трубку и позвонил: «Здорово, Раджаб. Котовский тебя приветствует. Тут накладка получилась. С чем? Да с брошью. Хозяин у нее нашелся. Хочу ее выкупить. Не бойся, не обижу. Две цены дам. Хоп! Жду тебя, адрес Наташки знаешь».

Все идет по плану. Да вот только не по нашему плану. Все ведь у Котовского было заранее продумано.

Выходит из кухни невеста и вдруг... падает в обморок. Побелела вся, прямо бездыханная. Мы бросились ей помочь. А Котовский за нашими спинами взял помойное ведро и – за

дверь. Наш молодой опер бдительность не проявил, он ведь знал, что мы в квартире, что просто так Котовскому выйти не позволим... А тут – выходит он с ведром на помойку, в домашней одежде, в шлепанцах...

Спустился Котовский во двор, зашел за помойку, достал из ведра заранее туда спрятанную одежду и обувь, переделся и... его и след простыл. На три года. И все это время мы его искали. Попало нам от начальства, конечно, здорово. Да мы и сами себя нещадно корили. С таким трудом раскрыли такое тяжкое преступление и – на тебе, отличились!

– А что дальше? – спросил Алешка. – Нашли Котовского?

– Нашли. В горах Кавказа. Окружили дом, где он скрывался. Котовский стал отстреливаться и в перестрелке погиб.

– А брошь?

– Брошь так и не нашли. Мне сдается, не у него она была.

– А какая она из себя? – деловито спросил Алешка. Будто сейчас встанет из-за стола и пойдет в наш парк искать брошь. И найдет ее либо под кустом, либо прямо под ногами.

– Принеси карандаш, – попросил его Михалыч. – Нарисую. Я ее так запомнил, что на всю жизнь.

Алешка сбегал за карандашом, и Михалыч нарисовал на салфетке цветочек из трех острых листьев. В самом деле похожий на лилию. В центре он сделал большой кружок, а края листьев обрисовал маленькими кружочками. И объяснил, что большой кружок – это крупный рубин, а маленькие кружочки – бриллианты.

– Красивая штучка, – сказала мама. – И нарисована здорово. Все понятно, где рубины, где бриллианты.

– Тебе бы такую! – щедро пообещал Алешка.

– Ага! – восхитилась мама. – Я бы ее на фартук прикалывала. Во время мытья посуды.

– Клево! – согласился Алешка. И тут же спросил: – Дядь Леш, а вот эту... рыжую лису Алису, ее тоже посадили?

– Конечно. Но ей немного дали, она ведь в ограблении не участвовала.

– А куда она потом делась?

– Уехала.

– В Страну дураков?

– Нет, сначала она уехала к мужу, во Францию. Насколько мне известно, она с ним очень скоро развелась и снова вышла замуж. Теперь уже за англичанина. Но я в этом не уверен.

Мама забрала у Михалыча пустую чашку и опять налила ему чаю.

– Значит, – все не унимался Алешка, – вы все нашли, кроме брошки?

– И ключик не нашли. От шкатулки.

– Плохо искали, – проворчал Алешка, пригнулся под сердитым маминым взглядом, зачем-то забрал рисунок брошки, аккуратно сложил его и сунул в карман.

Почему и зачем Алешка взял с собой в Англию рисунок брошки?

Глава II

Замок под луной

Неделя пролетела быстро. Папа принес билеты на самолет. Себе и Алешке. А маме не принес. Но она отнеслась к этому спокойно. Только сказала:

– Алексея в самолете пристегни покрепче. Иначе он напросится в кабину пилотов, и вы можете прилететь совсем не туда. Плюхнетесь где-нибудь в туманной Австралии. Ищи вас потом.

Папа призадумался:

– Может, его вообще не брать? У него здесь дел выше крыши.

Алешка взвизгнул:

– У меня теперь дел выше крыши не здесь, а в Англии!

Тут папа призадумался еще больше. И сказал:

– А вот как раз из-за этого я бы оставил тебя дома. И мне спокойнее, и маме, и... Англии.

– Фигушки, – сказал Алешка.

Сейчас-то я знаю, что если бы Алешка не улетел в Англию, ей бы очень туго пришлось...

За день до отъезда к нам опять пришел наш любимый мент на пенсии.

– У меня к тебе, Сережа, – сказал он папе, – своя просьба имеется. Я не люблю оставлять дела недоделанными.

– Вы про эту брошь, Алексей Михайлович?

– Про нее. По некоторым данным, она где-то в Европе обретается. Информация такая есть. И по этой информации, кто-то собирается выставить ее на продажу, на аукционе в Лондоне. Смекаешь, полковник? Если ее там кто-то купит – только мы ее и видели, уже навсегда.

– Попробую проконтролировать.

– Вот-вот, попробуй. Я вот для тебя и дело из архивов затребовал. Полистай.

Папа полистал, а потом вынул из папки большой конверт с фотографиями и стал их рассматривать. А Алексей Михайлыч давал пояснения:

– Это вот в кресле Людмила Ильинична, она в рабочем кабинете Толстого. Еще до ограбления.

Мы с Алешкой, конечно, тоже в эти фотки вперились. Кабинет Толстого нам понравился. Особенно громадный камин, а на камине всякие редкости в виде часов с фигурками, в виде ваз с ручками, в виде подсвечников со свечами.

– А это вот сам Котовский, еще до ареста, в Одессе. Вот эти двое – его подельники. А вот это сама Аурика. В моем кабинете, на допросе. Только она тут уже не золотистая, а натуральная – черноволосая брюнетка.

– Симпатичная особа, – сказал папа.

– И глаза красивые, – со знанием дела добавил Алешка. –

На такой даже жениться можно.

– Я тебе женюсь! – сказала мама. – Таблицу умножения сначала выучи. Жених!

– А вот наша Аурика, – продолжил Михалыч, – в кафе, за минуту до задержания.

– А что это за толстушка рядом с ней? – спросил Алешка. Еще одну невесту углядел.

– Неустановленное лицо, – вздохнул Алексей Михалыч. – Видимо, подруга.

– На елку похожа, – опять вмешался Алешка. – Вся обвешанная.

Я тоже посмотрел на это неустановленное лицо. Алешка был прав: эта девушка вся целиком обвесилась дамскими украшениями. Даже на лбу у нее виднелась какая-то бляшка с камешком.

Папа стал рассматривать еще один снимок.

– Вот, – сказал Алексей Михалыч, – та самая брошь.

– Красивая, – кивнул папа.

– И дорогая, – добавил Алешка.

В тот вечер мы засиделись допоздна. И пошли проводить Михалыча до автобуса.

Было уже темно. Светились вдоль проспекта желтые фонари, мигали огоньками машины. Мы присели на скамейку под стеклянным колпаком. Автобуса долго не было.

Тут еще подошел какой-то парень, потоптался и стал ло-

вить попутную машину. Но у него не очень получалось. Он занервничал, стал искать сигареты в карманах куртки и все время промахивался мимо них. Сигареты нашел, стал искать зажигалку.

Алексей Михалыч почему-то отошел в сторонку, достал мобильник и что-то в него тихо проговорил.

Подошел автобус. Михалыч сказал:

– Это не мой. – А когда папа удивленно взглянул на него, он молча кивнул в сторону парня, который все пытался остановить такси или частника. И папа кивнул в ответ. И они как-то незаметно оказались рядом с этим парнем, с двух сторон.

Наконец притормозила какая-то машина, распахнулась в ней дверца, и кто-то сказал:

– Садитесь, гражданин. Нам по пути.

Парень было рванулся, но его уже крепко держали папа и Михалыч. Из машины вышли двое с автоматами и надели на парня наручники. И все уехали.

Мы с Алешкой стояли с разинутыми ртами. Михалыч засмеялся.

– Не поняли? – спросил он. – Этот парень только что совершил ограбление. Снял с какого-то гражданина куртку.

Как старый сыщик Михалыч догадался об этом?

– Откуда вы знаете? – спросил Алешка.

– Я же старый сыщик, у меня глаз наметанный.

– У меня тоже, – похвалился Алешка. – Но я ничего не

заметил.

– А ты заметил, что он волнуется? Заметил? А вот вывод не сделал.

– Мало ли почему человек волнуется. Может, он двойку получил.

– Может, и так, – согласился Михалыч. – Может, из-за двойки, а может, чего-то боялся. Надо дальше смотреть. Куртка ему немного маловата – это меня и насторожило. А когда он начал сигареты искать и все время мимо карманов промахивался, тут я уже точно знал – не его куртка, не привык он к ней. Ну и дальше все подтвердилось – он ведь все карманы обшарил, пока курево нашел. А знатный курильщик, вроде меня, всегда сигареты и зажигалку в одном месте держит. И никогда не забудет, в каком именно.

– Здорово! – восхитился Алешка. – Значит, он с кого-то куртку сграбил и на себя напялил. А дальше?

– А дальше – еще проще. Звякнул я в ближайшее отделение и спросил: не было ли чего? Было. Ограбление: куртка, мобильник, борсетка.

– А борсетки у него не было, – заметил Алешка.

– Правильно. Он ее выпотрошил и выкинул. Зачем ему лишняя примета? Так?

– Так точно, – сказал Алешка. – А вон еще один идет. И тоже никак рукой в карман не попадет.

– В карман не попадет, – согласился Михалыч. – А в вытрезвитель точно.

Такой вот приключился случай. В Москве. И никто из нас не знал, что каким-то краешком он и в Англии высунется...

В день отъезда Алешка уселся на тахту с книгой.

– Чем увлекся? – спросил его папа.

– Английским. Не мешай. Надо немного подучить.

– Спыхватился! У нас самолет в семь часов.

– Куча времени. – Алешка листал страницы с такой скоростью, будто их переворачивал ураганный ветер.

Папа покачал головой, но ничего не сказал. Зато он сказал маме, когда она заставила меня снять с антресолей два больших чемодана:

– Это ни к чему. Едем налегке. В джинсах, кроссовках и ветровках. Мы простые скромные люди. Со средним достатком.

– Это все? – ужаснулась мама.

– Нет, – не отрываясь от учебника, напомнил Алешка: – Гольфы мои найди.

– Какие еще гольфы?

Алешка поднял голову, сделал большие глаза:

– А как же! Мы же в Англию едем! Ты что! Мы же там будем жить среди англичан. А они же едят овсянку, ходят с зонтиками и играют в гольф!

– Хорошо, – робко согласилась мама. – Я положу вам в сумку свой складной зонтик и пару твоих гольфов.

– И кастрюльку с овсянкой, – добавил папа, усмехнув-

шись.

– Может, лучше курицу? – робко предложила мама. – Пожарить?

Алешка фыркнул:

– В Англии этих кур... Как гуталина у Матроскина.

В общем, они в самом деле поехали налегке, с папиной сумкой и с Алешкиным школьным рюкзаком. Мамин зонтик они незаметно оставили в прихожей, засунули под тумбочку для обуви.

– Мы с Димой вас проводим, – решительно сказала мама.

– Поплачь лучше дома, а не в аэропорту, – уперся Алешка.

– Сам поплачь. Я хочу помахать вслед вашему лайнеру.

– Вслед машине помаши, с балкона, – опять не согласился Алешка. Он, видимо, побаивался все-таки, что мама в последнюю минуту сунет в сумку курицу или зонтик. А может, и овсянку в кастрюльке.

Но папа возражать не стал, в аэропорт мы поехали всей семьей.

Когда папа и Алешка уже шли по летному полю на посадку, мама прорвала все заслоны и с криком: «Зонтик забыли!» – догнала их и стала запикивать зонтик в сумку. Нашла ведь под тумбочкой.

Это был первый сюрприз на пути в туманный альбатрос...

Когда они взлетели, Алешка расстегнул свой рюкзачок, что-то там поискал, почему-то хмыкнул и достал учебник

английского. А папа сразу же задремал – он очень устал на работе.

Часа через три Алешка проснулся и прилип к иллюминатору. Вокруг было темно, а внизу светился громадный Лондон. Разноцветными огнями.

– Красиво? – спросил папа.

– Ага. Совсем как над Москвой. Когда мы взлетали. Они там ничего не напутали? – Алешка кивнул на дверь в кабину пилотов.

Но тут бортпроводница сказала приятным голосом на английском языке, что лайнер готовится к посадке в аэропорту Хитроу.

– Переведи, – папа толкнул Алешку в бок.

Алешка глазом не моргнул:

– Командир корабля Хитров приветствует пассажиров своего лайнера.

В общем, полет прошел нормально, посадка тоже. В аэропорту их встретил папин друг детства. Мишель, так называл его папа. Он был большой и толстый. И совсем не был похож на богатого бизнесмена. Скорее на веселого артиста, который не по роли, а по доброму характеру радуется людям.

Он широко распахнул руки и так заорал, что все англичане разбежались от него во все стороны:

– Серега! Как я рад тебя видеть! – Выпустил немного помятого папу, стал с интересом разглядывать Алешку: – Твой? Частично похож. Особенно вот этот фрагмент. – И он

ткнул Алешку в нос толстым пальцем. – Вылитый Буратино. Ну, поехали, время позднее, нас ждет товарищеский ужин.

– Английская овсянка? – поморщился Алешка.

– Жареная курица. С рисом и черносливом. Поехали, поехали! А то курица...

– Улетит? – спросил Алешка.

– Пересохнет. Поехали. Это ваши вещи? Ну вы и нагрузились!

– А куда мы едем? – спросил папа. – В какую сторону?

– В графство Хэмпшир! – гордо ответил Мишель.

– Вы граф, что ли? – удивился Алешка. – Как писатель Толстой?

– Не очень, конечно, граф. Частично. Но зато у меня в этом графстве собственный замок под красивым названием «Хэмптаун».

Алешка покопался в памяти:

– «Хэм» по-английски значит ветчина, а еще пастбище. И чего получается? Какой все-таки город-то?

– Серега, чего он ко мне цепляется? – возмутился Мишель. – Поехали, а то он меня совсем достал!

У Мишеля была длинная машина с водителем африканской внешности. Он распахнул им дверцы и, пока они садились, вежливо улыбался белоснежными зубами. В машине был теплый и свежий воздух, тихо мурлыкала музыка и светилась панель зелеными и красными огоньками.

Машина помчалась. Алешка уставился в окно, но в Ан-

глии было уже темно, и поэтому он ничего английского не увидел, кроме ярких огней. А папа в окно не смотрел. Потому что Мишель сейчас же открыл встроенный бар и налил в стаканчики виски.

– А мне? – спросил Алешка.

– Серега, он все еще пьет виски по вечерам? Он все еще не бросил? Какой ужас! Он частично похож на тебя. – И Мишель налил Алешке минералки.

Алешка понял, что скучно в обществе Мишеля не будет.

– Как жизнь, Серега? – гудел Мишель. – Как там у вас, в России? Как твоя прекрасная супруга? Я ведь тоже был в нее влюблен. Еще в первом классе. А ты меня обогнал, во втором. Джим, давай веселей, а то курица улетит.

Алешка к разговору старых друзей детства не прислушивался, он все старался разглядеть за окном машины хоть какой-то кусочек Англии, но все-таки просек, что дядя Мишель занимается очень интересным бизнесом – покупает и продает драгоценные камни и всякие ювелирные украшения и что в его замке этих ценностей – завались. Как гуталина у Матроскина. Как кур на рынке.

Но Мишеля, похоже, его камни интересовали сейчас меньше всего. Больше всего его интересовали дорогие гости.

– Серега! Как я рад вас видеть! Да, хотел вас предупредить. У меня такой классный дог. Настоящий английский. Зверюга. Я его на ночь выпускаю на усадьбу. Вышколен, как английский лорд. Из чужих рук ни крошки не возьмет. Как

жизнь, Серега? Как там у вас, в России? Вот и приехали. Замок Хэмптаун. Город на горбе.

Впереди в свете фар возникла высокая каменная башня совершенно старинного вида. С узкими бойницами и с широкими воротами из толстенных досок, стянутых красивыми железными полосами.

Перед башней – глубокий ров. Над ним висела... половина каменного моста. И дорога вроде как бы кончилась – кончилась половинкой каменного моста, нависшего над рвом.

Водитель дал короткий сигнал. Ворота в башне дрогнули и стали медленно опускаться на железных цепях, с железным скрипом. Они опустились и легли точно на край половинки каменного моста. И получился целый мост, а в проеме башни образовался широкий проезд.

Машина въехала в замок. И открылась прямо киношная панорама из исторического фильма. Все было хорошо видно и в ночи, потому что везде светились яркие фонари на высоких столбах старинного вида, похожих на виселицы. Они освещали пологий холм, покрытый ровной зеленой травой, стриженной «под гребенку». И в этой траве тоже светились фонарики, а возле каждого из них стояли фарфоровые гномы. То с трубкой, то с бутылкой. А один гном был с ружьем и стоял возле настоящей старинной пушки – маленькой, но на больших деревянных колесах, похожих на колеса тележки.

На вершине холма поднимающаяся луна освещала силуэт настоящего средневекового замка. С башнями, стенами, с

бойницами и зубцами. Мрачного, несмотря на то, что в некоторых окнах и бойницах приветливо светились огоньки.

– Мое владение! – Мишель сказал это с такой гордостью, будто не только сам его построил, но и защищал его от врагов с мечом и щитом в руках. – Замок Хэмптаун. Все настоящее! Стены, башни, привидения...

Глава III

Призрак Эдуард

Машина плавно остановилась. Папа и Алешка вышли, а Мишель немного застрял в дверце, выбираясь из нее задом, и пропыхтел в глубь салона:

– Вернитесь в машину, господа. Сейчас примчится Грей, я должен его перехватить. Он только меня слушается. Потому что уважает.

И правда, где-то в глубине парка послышался грозный басовитый лай. Он нарастал, как рев снижающегося самолета. Папа попятился к машине и потянул за собой Алешку. Алешка сунул руку в рюкзачок. Водитель Джим сделал шаг вперед. А толстый Мишель все еще преодолевал дверцу и орал:

– Стойте смирно! Сейчас я его укрощу!

Вылетел к машине красавец-пес. Настоящий дог. Ростом примерно с лошадь. В серых яблоках. С клыками примерно тигриными. Он приостановился, будто призадумался на секунду: а с кого бы начать?

Алешка решил, что с него. Вырвал у папы руку, шагнул вперед и спокойно спросил:

– Тебе это надо?

Дог, похоже, немного удивился. Да и что ответишь на та-

кой вопрос?

Алешка сделал еще шаг, опять что-то сказал. И что-то незаметно сделал. И пес... вдруг развернулся и умчался вдаль.

Почему «вышколенный» Грей умчался вдаль?

– Ничего не понимаю, – наконец-то выбрался из машины толстяк Мишель. – Чего он вдруг удрал? Он у меня вышколенный, как лорд Адмиралтейства. Любую команду выполняет, как солдат гвардии ее величества. Из чужих рук ни крошки не возьмет...

– Кроме курицы, – шепнул Алешка папе.

Как оказалось, мама все-таки сунула в Алешкин рюкзачок жареную курицу – он заметил это в самолете. Это был второй сюрприз. Ну, Алешка и поделился курицей с догом, тем более что на ужин в замке и так готовилась курица под черносливом.

(Забегая вперед, скажу, что с этого вечера Грей постоянно рыскал по территории замка в поисках Алешки, в надежде хотя бы еще на одну жареную российскую курицу. Потому что кормили его, как истинного англичанина, скучной овсянкой.)

Войдя в парадные двери дворца, наш Алешка прежде всего споткнулся о высокий дубовый порог – он устал от маминой «гороть порячку», от долгого перелета, от ускоренно-

го курса изучения английского языка, да и время было уже позднее. Поэтому от первого вечера впечатлений у него было мало: только стоящий в холле рыцарь во всем своем стальном облачении. Да и то только потому, что Алешка, со слипающимися глазами, врезался лбом в его панцирь. Алешка-то – ничего, только шишку набил, а рыцарь с гулким звоном рухнул на каменный пол и раскатился на все свои составные части – шлем, поручи, поножи, щит и меч. Будто обрушилась полка с кастрюлями.

– Вери велл! – Мишель захохотал своим жизнерадостным хохотом. – Это доспехи сэра Генри. Он никогда не падал ниц в поединках, в сражениях и на турнирах. Bravo, Алекс! Тебе положен поцелуй принцессы!

Алешка потер лоб и подумал: хорошо еще, что не сэра Генри.

Сэра Генри собрали и поставили. Прислонили к стене. Чтобы он пришел в себя от поражения.

– Победитель тоже едва держится на ногах, – обрадованно возвестил Мишель. – Отведите его в опочивальню. – Он повернулся к Алешке: – Алекс, где ты предпочитаешь спать – в городском комфорте с туалетом и ванной или в башне без удобств, но с загородными привидениями?

– С привидениями, – вскользь уловив последнее слово, кивнул Алешка.

– Проводите юношу, – распорядился Мишель. – В Западную башню.

Алешка потом разобрался, что старинный замок как бы состоял из двух частей. Он, вообще-то, был весь старинный, но в одной его половине провели свет, водопровод, телефон, телевизор и прочие удобства в виде спутниковых антенн и Интернета, а другую часть оставили средневековой. Как музей древнего быта. В этой угловой Западной башне не было света, не было воды. На ночь тем, кто там отваживался ночевать, ставили в специальную тумбочку при кровати ночной горшок. А еще там водились древние привидения. Они никому не мешали, их никто не боялся, от них даже была польза. Время от времени Мишель показывал их за деньги туристам из России. Эти деньги шли, как он говорил, на реставрацию призраков. Ну сами посудите! Бродит по замку лет четыреста какой-нибудь неугомонный лорд, звенит своими цепями, которыми его когда-то навечно приковали в подвале к железному кольцу. За четыреста лет эти цепи приходят в негодность, они уже не звенят – они уже шелестят ржавчиной, они начинают рваться и падать под ноги призраку. Тот спотыкается, ругается сквозь зубы – ну какой от него эффект? Одни проблемы.

Словом, все в мире стареет, все нуждается в обновлении. Особенно старинные замки...

Лешке досталась верхняя комната в Западной башне. Это была боевая башня. По ее обресту шли каменные зубцы, которые при опасной осаде защитники замка сбрасывали на несчастные головы осаждающих. А в верхней части башни

лепились узкие полукруглые балкончики, тоже огражденные каменным парапетом, с которых осажденные осыпали осаждающих градом стрел. И, кстати, хотите верьте – хотите нет, содержимым ночных горшков.

Алешку проводил Дворецкий с фонариком. Он зажег возле громадной кровати свечу в бронзовом подсвечнике и пожелал Алешке доброй ночи.

– И ты, это... не волнуйся, пацан. Тут это... иногда прынец бродит, убиенный. Но ты не бойся, он убиенный уже с полштуки лет назад. Вреда от него большого не бывает. – И Дворецкий ушел, прикрыв за собой дубовую дверь в стальных полосах. И усмехаясь.

Алешка осмотрелся. Комната ему понравилась. Дверь в коридор, дверь на балкончик, камин, в котором светились догорающие угли, громадная мягкая кровать. Столик с ночным горшком при ней, на столике ровно горит свеча. Язычок ее пламени торчит как замороженный.

Алешка разделся и забрался под легкое пуховое одеяло. И уже было хотел дунуть на свечу, как вдруг язычок ее вздрогнул и качнулся. Коридорная дверь бесшумно распахнулась, и в комнату вошел пацан. В коротких, чуть ниже колен, бриджах и в кружевном белоснежном воротничке на плечах.

Ни слова не говоря, он прошагал к столику, забрал свечу и направился обратно к двери.

– Э! – возмутился Алешка. – А я?

Пацан в воротничке оглянулся и презрительно выдал:

– Обойдешься.

И исчез за дверью. И тут же он появился в проеме балконной двери. Со свечой. Вошел, поставил ее на столик со словами:

– На! Подавись!

– Сам подавись! – Алешка разозлился. – Я свечи не ем!

Пацан хихикнул и исчез за дверью.

Когда Алешка мне об этом рассказывал, я не удержался и спросил:

– Ты здорово испугался?

– Не. Я думал, что мне это все приснилось.

Разбудил Алешку задорный петушиный кукарек. Алешка сначала даже подумал, что он проснулся на даче, а петух орет в соседней деревне.

– Это сэръ Джон называется, – объяснил, входя, Дворецкий. – Как почивал?

– Нормально.

– Привидения не гнобили?

– Да заходил какой-то пацан. Я ему подсвечником в лоб закатил, он и слинял.

– Молоток! Влезай в штаны, хавать пойдем. Типа того, завтракать в Рыцарском зале.

Они пошли длинным сводчатым коридором – галереей – с узкими стрельчатыми окнами вроде бойниц, между которыми висели в простенках щиты, мечи, копыя, алебарды и

арбалеты. И стояли пустые рыцарские доспехи. Очень красивые, но какие-то угрожающие.

Они стояли в ряд, молчаливые такие. Штук, наверное, несколько. Они все были начищены каким-то средством, наверное, для чистки посуды, и сияли, когда на них из окон падал солнечный свет.

Все они были здорово похожи друг на друга, отличались только формой шлема. У одного он был в виде перевернутого ведра с прорезанными щелочками для глаз. У другого – в виде птичьей головы с вытянутым клювом, у третьего – в виде горшка с рогами.

Алешка эту галерею не полюбил, особенно по вечерам. Здесь в это время было сумрачно, коптили вбитые в стену факелы, дрожали по стенам неверные тени. И казалось, что в прорезях шлемов таинственно блестят внимательные живые глаза. Следят, словно выбирая момент для коварного удара мечом или секирой.

Особенно был чем-то неприятен Черный рыцарь. В вороненых доспехах. Он стоял первым в ряду, почти у самой лестницы, будто охранял ее.

Лешка, пробегая мимо, не упускал случая постучать каждого рыцаря по стальному брюху – они звонко отзывались внутренней пустотой. А вот Черный рыцарь на эту фамильярность отвечал глухо и недовольно. Будто хрюкал. Или был набит внутри каким-то мусором.

Странно – почему Черный рыцарь глухо отзывался

на стук в его панцирь?

Шлем у Черного рыцаря был с шарнирным решетчатым забралом, и Алешку всегда подбивало это забрало приподнять. Глянуть, что там – совсем пусто или вдруг обнаружится бородатая морда владельца доспехов. Но Лешка все-таки почему-то побаивался это сделать.

А Мишель, указывая на Черного рыцаря, всегда хвалился:

– Редчайшие доспехи. Из пушки не пробить.

– Сэр Джон Молчаливый, – почему-то торопливо объяснил Дворецкий. – Первый, типа того, хозяин этой хазы.

Алешка удивился:

– Так это он, что ли, во дворе кукарекал? Сэр Джон?

– То кукарекал другой Джон. Но тоже сэр.

– Не въехал, – признался Алешка.

– Ну, был тут рыцарь такой, по кличке Молчаливый. Все молча делал. Сражался, вешал, кого надо, на флюгерах, вино пил бочками. Но молча. А петух этот, фарш котлетный, больно горластый. Вот его шеф и прозвал в насмешку Молчаливым. Въехал?

– Врубился.

Вошли в Рыцарский зал. Не дай бог в таком завтракать. Весь в колоннах, потолки высоченные. Под потолками курлычут голуби, что-то оттуда роняют, и гнездятся дикие летучие мыши. Окна тоже высоченные и узкие. А между ними, как охрана, опять же стоят железные рыцари. Из окон падает на пол через цветные витражи разноцветный солнечный

свет. А все остальное – мрачное, как и все Средневековье.

В дальнем краю зала разинул пасть громадный камин, похожий по размерам на наши кремлевские ворота. Если бы какой-нибудь самосвал привез в замок дрова, он вполне мог бы заехать в этот камин и разгрузиться, задрав кузов, без всяких помех.

В камине пылали два сосновых ствола, похожие на мачты старых парусных кораблей. И длиной, и толщиной. А посреди зала тянулся длинный дубовый стол, вокруг которого высились тоже дубовые стулья с узкими длинными спинками, покрытыми затейливой резьбой.

Стол был накрыт. Только не скатертью, а блюдами. Не блюдечками, а именно блюдами. Размерами примерно с наши детские ванночки для купания. А одно блюдо, золотистого цвета, было размером с обычную ванну в городской квартире. В этом блюде находилась какая-то дичь. Целиком. С рогами. Но без шкуры. От нее здорово пахло жареным мясом.

– Это олень, – похвалился вошедший вместе с папой из дальней двери Мишель. – Я сегодня подстрелил его в моем парке на утренней заре.

– Из пушки, что ли? – хмуро поинтересовался Алешка. Он не любит, когда стреляют зверей.

– Из арбалета. Вот из этого. – Мишель кивнул на стену, где висело что-то похожее на короткое ружье с присобаченным к нему коротким луком. – Прекрасное оружие. Бесшумное,

главное дело. И главное дело, страшно мощное. Любые доспехи пробьет своей стрелой.

– А вот интересно, – спросил Алешка. – Если из вашего арбалета, страшно мощного, стрельнуть в доспехи Черного рыцаря, страшно прочные, – то кто победит?

– Серега, – немного растерялся Мишель, – что он ко мне цепляется? Ты что, из-за этого оленя обиделся? Да ладно, Алекс, не хмурься, я пошутил. Никакой это не олень – свинина с рогами. Прошу за стол. Серега, ты напротив меня, Алекс посередке, по длинной стороне. Расселись! По команде! Кто быстрее! Считаю до трех!

Быстрее всех расселся красавец Грей. Он безошибочно определил Алешкино место и застыл рядом с его стулом. Пришлась ему, видно, московская курочка.

Стол в английских замках, в Рыцарских залах, очень удобные. Папа и Мишель сидели так далеко друг от друга, что им приходилось орать друг другу изо всех сил.

– Серега! – кричал Мишель. – А как там у вас с продуктами?

– Нормально! – кричал в ответ папа. – Все есть, даже макароны!

В общем, поорали они, поорали и принялись за еду, молча.

Алешка сидел как бы между ними, на длинной стороне стола. И ел из одной тарелки с «хорошо воспитанным» Гре-ем. Когда Алешка запаздывал предложить ему очередной ку-

сочек, Грей требовательно клал лапу ему на колено. А если Алешка вовремя на это не реагировал, то он просто совал нахальную морду к нему в тарелку и вежливо выхватывал с нее понравившийся кусок.

– Разбаловался! – прикрикнул на него из своего далека Мишель. – А ну, на место! Живо!

Грей посмотрел на него с удивлением и сделал вид, что ничего не слышит. Временно оглох.

Тогда Мишель поднялся и грозно пошел к нему вдоль стола. Грей тоже поднялся, тоже пошел вдоль стола, по другой его стороне. Так они обошли весь стол и вернулись на свои места. Правда, Грей прихватил попутно кусок мяса с тарелки Мишеля и плюхнул его (кусок, а не Мишеля) в Алешкину тарелку. Поделился, добытчик.

Мишель еще что-то хотел поорать, но тут вошел браток Дворецкий и чопорно доложил:

– Мадам, типа того, Брошкина!

Это был третий сюрприз в Англии. А потом они посыпались, как из дырявого мешка.

Глава IV

Мадам Брошкина

Никто, правда, в то время еще не знал, что мадам, «типа того», Брошкина – это сюрприз. Даже подарочек. Она была компаньонкой Мишеля по бизнесу, связанному с торговлей драгоценными камнями и женскими украшениями. Когда-то она вышла замуж за французского гражданина по фамилии Бриош. А когда он от нее сбежал, она эту фамилию переделала на русский лад – и стала Брошкиной. Мадам.

Еще до того, как Брошкина вошла в зал, за дверью послышался нежный и мелодичный перезвон. А когда она появилась в дверях, то Алешка даже зажмурился. Потом он говорил мне:

– Дим, знаешь, я даже частично прибалдел. Будто вошла шагающая новогодняя елка. На этой Брошкиной столько всего висело! И на руках, и на шее, и на ногах. У нее даже, Дим, на голове что-то сверкало вроде короны с бубенчиками. А платье у нее было зеленое – вылитая елка!

Позванивая браслетами на руках и на ногах, бубенчиками на голове, мадам Брошкина подошла к Мишелю и сунула ему под нос руку для поцелуя. Мишель долго выбирал свободное от колец и браслетов место, чтобы туда чмокнуть.

– Знакомься, – сказал Мишель. – Это мой старый и вер-

ный друг Сергей Александрович Оболенский.

– Коммерсант? – деловито осведомилась Брошкина, окидывая папу с головы до ног внимательным взглядом. – Бизнесмен?

– Журналист. А это его младший сын – Алексей Сергеич. В своем кругу мы зовем его Алексом.

– Журналист мне понравился. Скромный на вид, – громогласно объявила мадам. – А младший сын у него плохо воспитан. Алекс, когда тебя представляют даме, нужно вставать.

– Не могу, – сказал Алешка с ясными глазами. – Я обьелся.

– Из голодной России? – с «пониманием» уточнила Брошкина.

– Из великой! – вдруг серьезно уточнил Алешка.

Брошкина не удивилась, сказала с уважением:

– В нем что-то есть.

– А ты чего приперлась, мадам? – по-простому спросил ее Мишель.

– Во-первых, позавтракать. – Мадам села напротив Алешки и стала сама, не дожидаясь помощи официанта, накладывать в свою тарелку все подряд. – А во-вторых, Ангелина приезжает. Хочет посмотреть у нас партию изумрудных колье и жемчуг. Или чего-нибудь продать.

Тут она надолго замолкла – занялась уничтожением «свиного» оленя.

Ей это удалось, как рассказывал мне Алешка.

– Эта елка, Дим, она такая голодная была! – Голодная елка – это здорово сказано. – Она как будто, Дим, из леса прибежала, где с зимними холодами вся еда кончилась.

Некоторое время за столом держалась тишина. Только звенели украшения на елке да стонали на ее зубах оленьи кости. От ужаса.

Наконец мадам Брошкина отложила приборы, откинулась на спинку стула, тяжело вздохнула:

– Перекусила. Теперь я чего-нибудь поела бы.

Она налила себе здоровенный бокал пива и разом осушила его.

– Люблю пиво! Оно на вкус полезно и на вид красиво. Запиши, Мишель, продадим какой-нибудь пивной фирме для рекламы. Чего бы еще поесть? А что ты на меня уставился? – это она Алешке. – Когда дама кушает, ей не надо мешать. Не надо смущать ее завистливыми взорами. – Она осушила еще один бокал пива. – Нет, в нем что-то есть, однако плохо воспитан. Но ничего, мы это поправим. Ангелина приедет с дочерью, с Эльдивой...

– Эль с кем? – Алешка вытаращил глаза.

– С Эльдивой. Или с Эльгивой, никак не запомню. Она займется твоим воспитанием.

– Как Мальвина? – испугался Алешка.

– Она тебя многому научит, – так угрожающе громыхнула мадам Брошкина, будто эта самая Эль... дива будет учить Алешку по крайней мере штурмовать и разрушать англий-

ские замки. – Ладно, поеду к себе пообедать. – Она встала. – Мишель, ты приготовь для Гельки товар. Что-нибудь попроще и подороже.

– Что попроще, – возразил Мишель, – то подороже не бывает.

– Ты уж постарайся, она нам не чужая. – Тяжело ступая, позвякивая, мадам Брошкина покинула Рыцарский зал.

– Забавная тетка, – сказал Мишель. – Но она добрая в душе. И одинокая по жизни.

– Мне она показалась знакомой, – задумчиво сказал папа.

А Лешка вдруг добавил:

– И я ее где-то видел. Она не артистка?

– По жизни – да, – пояснил Мишель. – А в далеком прошлом, кажется, маникюрша.

Но папа все еще о чем-то думал или вспоминал, морщил лоб. А Лешка прямо спросил Мишеля:

– А кто такая Анальгина?

– Ангелина? Гелька? Очаровательная женщина. Она русская, но все время выходит замуж за иностранцев.

– За французов, например? – спросил папа.

– И за испанцев, и за англичан. Она на этом хотела разбогатеть. Брачная аферистка. Выходит замуж, разводится и рассчитывает получить по брачному контракту либо деньги, либо виллу где-то в теплых краях, или какое-нибудь предприятие. Но не везло ей, все контракты против нее. Неудачница. Но очень обаятельная. Да ты сам увидишь.

Мишель встал:

– А теперь совершим познавательную экскурсию по моим безграничным владениям.

Алешка воспринял это предложение с восторгом, папа с молчаливым одобрением. Он прекрасно понимал, что сокровища, хранящиеся в замке, рано или поздно привлекут внимание желающих ими завладеть – грабителей или жуликов. И уж лучше заранее знать все слабые места «в обороне», которыми они могут воспользоваться.

Лешка пока такими проблемами не заморачивался. Ему было просто интересно.

Дворецкий, «типа того», проводил их до Воротной башни и сам опустил подъемный мост.

– Раньше, – объяснил Мишель, когда они вошли в башенный проем, – в стародавние времена этот мост приводился в движение толстенными цепями, огромным воротом, который крутили аж четыре здоровенных стражника. А теперь у меня там автоматика, кнопочное управление. Младенец может справиться.

Дубовые ворота легли на край каменной половинки моста – и мост стал целым.

– Закрывай! – крикнул Мишель Дворецкому. – Мы надолго!

– Послушай, Миша, – спросил папа, когда деревянная половинка снова стала воротами и плотно закупорила башню, – зачем ты этого бандюка пригрел?

– Стратегический расчет, Сережа. Он в свое время, понимаешь, подставил своих братков. То ли не поделился, то ли кого-то из них в милицию сдал. Ну, они, конечно, на него открыли охоту. Вот я его и выручил.

– По-моему, зря, – жестко сказал папа.

– Нет, Серега, ты не понимаешь. Он же мне изо всех сил благодарен, служит верой и правдой. Он весь мой персонал твердой рукой держит. Его побаиваются и беспрекословно слушаются. И потом, знаешь, Сергей, он в прошлом крутой бандит, умелый, опытный, расчетливый. Он мне обеспечил охрану замка. Я спокоен.

– Ну-ну, – недоверчиво отозвался папа. – А кстати, как можно проникнуть в замок, так сказать, нелегально?

– Ну! – Мишель самоуверенно хохотнул. – Взять его, например, осадой. Или пробить стенобитной машиной брешь. В шестиметровых стенах. В общем, только силой.

– Или хитростью, – добавил Алешка, который из этого разговора не пропустил ни слова.

И вот за разговором они неспешно обходили весь замок вдоль его могучих и древних стен. Как я уже говорил, замок стоял на зеленом пологом холме, охваченный со всех сторон глубоким рвом, наполненным водой и, в общем-то, грязью. Все его стены замыкались высоченными башнями. Их было штук пять. Воротная, Западная, Круглая, Квадратная и Потайная.

Вот эта самая Потайная находилась в середине задней, со-

вершенно глухой стены, в которой не было даже бойниц. И ворот в этой башне не было – так, нормальная дверь толщиной с полметра. А невдалеке от башни грудились какие-то живописные развалины. Очень старые, на них даже деревца выросли.

– А это что? – спросил Алешка. – Руины?

– Здесь в стародавние времена протекал ручей. И снабжал водой обитателей замка. А на берегу ручья стояла мельница. То есть тогда это была мельница.

– Она хлеб молола? – уточнил Алешка. – Для обитателей замка?

– Не хлеб, а зерно. А мельник на ней был старый колдун. Он ходил весь в белом, а на плече носил черного ворона. И говорят, в тыща шестьсот каком-то году при осаде замка сэром Артуром Длинный Меч мельник пытался отравить воду. Это ему не совсем удалось, и сэр Джон Молчаливый повесил его на флюгере Западной башни.

– И мельницу разломали?

– Разломали. Ручей пересох, а подземный водоотвод, по которому вода текла в замок, засыпали.

– Круто, – сказал Алешка.

– И хорошо засыпали? – почему-то спросил папа.

– А что? – насторожился Мишель.

– А то, что к развалинам проложена тропка, взглядишь.

– А... – Мишель махнул рукой. – Тут хватает всяких бродяг. Они иногда там ночуют.

– Неприятное соседство.

– Ничего. Мой Дворецкий живо находит с ними общий язык.

Безграничные владения Мишеля протянулись через весь холм, захватили часть вересковой пустоши и порядочный край болота.

– На пустоши я буду разводить фазанов, – мечтал Мишель. – Они очень красиво смотрятся со стороны, на фоне кустов и трав.

– А болото тебе зачем? – поинтересовался папа.

– Для романтики...

– Он там будет собак Баскервилей разводить, – пробормотал под нос Алешка. – Они хорошо смотрятся на фоне болот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.